

ское произведение, но тем не менее, читая его, вы видите, что оно могло родиться только в фантазии немца, и Байронов „Манфред“, явно навеянный „Фаустом“, уже несколько не веет „германским духом“. <...> Каждый народ имеет своего представителя» в литературе, «немцы — Фауста».⁷

«Сцена из Фауста» Пушкина — произведение общечеловеческое, но от характера решения трагедии Фауста, от понимания им смысла жизни, от трактовки его судьбы и эволюции его убеждений веет русским духом. Впервые в истории мировой литературы Фауст был раскрыт Пушкиным реалистически. Отсюда особый смысл его соотношения с Фаустом Гете: русский поэт *объясняет* характер Фауста, его идеалы, его философию жизни с позиций историзма и реализма.

Для понимания действительного содержания «Сцены» должно помнить, что Пушкин воспринимал образ Фауста только по первой части трагедии Гете, вторая еще не была завершена к 1825 г. Нельзя сопоставлять «Сцену» Пушкина с трагедией Гете, философский смысл которой извлекается из второй части, неизвестной Пушкину.⁸ Тем более что во второй части Гете коренным образом изменил характер идеалов своего героя. Почти четверть века отделяет первую часть от второй. Потому первая часть трагедии существовала как самостоятельное произведение, оказав свое влияние на литературу. Фауст Гете первой части связан с традицией его истолкования как мятежного индивидуалиста, созданной «бурными гениями». В. М. Жирмунский писал: «В первоначальной рукописной редакции 1773—75 годов Фауст Гете также мятежный индивидуалист, „бурный гений“, стремящийся к напряженному и страстному переживанию жизни, „сверхчеловек“ (Übermensch), как называет его сам поэт». В первой части, изданной в 1808 г., при всех изменениях первоначального замысла — индивидуалистический характер Фауста сохраняется. Оттого, вернувшись через много лет к продолжению трагедии, Гете, по словам Жирмунского, стремился изменить своего героя: он «должен был <...> от узко личного подняться в область общечеловеческого, от „малого“ в „большой мир“ явлений исторической и общественной значимости». Только во второй части «Гете перерастает рамки

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 317—318; т. II, с. 66.

⁸ Об этом приходится говорить, ибо существует устойчивая традиция рассматривать «Фауста» Гете как «произведение, окончательно сложившееся в 1831 г. в своей нынешней цельности» (см. вступительную статью А. Белецкого к кн.: Гете В. Фауст. М., 1962). На этом основании образ Фауста характеризуется по финальной сцене трагедии. Вот знаменательный пример: «Наиболее глубокое воплощение образ Фауста получил в философской драме Гете „Фауст“. Мечтая о познании природы, гетевский Фауст находит смысл жизни в борьбе за свободу и в мирном, созидательном труде на благо народа» (БСЭ, т. 44, с. 533). Именно с этих позиций и соотносена «Сцена» Пушкина с трагедией Гете И. М. Нусиновым (см. его книгу «История литературного героя»).